

Puchljaková, Helena

Нейтральное слово как средство выражения эмоциональной оценки

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1964, vol. 13, iss. A12, pp. [165]-168

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101312>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЕЛЕНА ПУХЛЯКОВА

НЕЙТРАЛЬНОЕ СЛОВО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Если слово, обозначающее предмет, имеет лишь номинативную функцию, то являясь нейтральным наименованием данного предмета, оно не содержит в себе эмоционального элемента. Такое слово, однако, может быть использовано в качестве средства выражения положительной или отрицательной оценки, так как „общеупотребительные слова в их номинативных значениях (то есть в исходных значениях) стилистически нейтральны, производные же от них значения в стилистическом отношении весьма универсальны“.¹ Тогда оно имеет двойное значение: прямое, когда слово (существительное, прилагательное, глагол или другая часть речи) только называет предмет, определяет его свойство, выражает действие или состояние, и — переносное, когда сам предмет как таковой, свойство или действие с ним связанное, становятся средством для внешнего описания или внутренней характеристики человека. Таким образом слово — название конкретного предмета превращается в слово — метафору (олицетворение) для выражения того или иного отношения говорящего к характеризруемому лицу. Употребляясь в качестве метафоры слово как бы раздвигает рамки своей семантики, а создание метафор „представляет один из путей развития значений слова и обогащения словарного состава“.² В таком случае слово сразу же утрачивает свою нейтральность и приобретает резко выраженную эмоциональную окраску, причем отличительные свойства предмета, нейтральные по существу, имеют уже положительный или отрицательный характер, если они относятся к человеку. Ср. например: железная гиря и железная т. е. сильная воля, или стеклянный шкаф и стеклянный т. е. невыразительный взгляд.

В некоторых случаях понятие о предмете объединяет целый ряд слов, связанных с ним общностью основного признака. Так, понятие выражаемое словом „дерево“ группирует вокруг себя слова, как производные от того же корня (деревяшка, деревянный, одеревенелый), так и от других основ, но эти слова объединяются по общей принадлежности к однородной категории предметов (бревно, пень, чурбан и некоторые другие). Понятие „дерево“ объединяющее эти слова является нейтральным в обоих прямых значениях (strom, dřevo) — в своей назывательной функции. Вышеприведенные слова также остаются нейтральными, но лишь в прямом значении, а в переносном — могут быть использованы в качестве тропов, причем они выражают отрицательную оценку. Следовательно, можно сказать, что здесь речь идет о „характере словоупотребления“,³ о буквальном, прямом или переносном смысле слова. Стилистически употребление таких слов ограничено разговорной речью и просторечием.

Так название дерева „дуб“ нейтрально в качестве ботанического термина. Употребляясь в переносном смысле применительно к людям, слово обозначает тупого и глупого человека; для усиления отрицательного впечатления возможен и тавтологический повтор, как, например, в устойчивом выражении „стоять дуб-дубом“. То же самое значение имеют и производные: дубина, дубовый (в выражении „дубовая голова“). Ср. например:

„Такая дубина! Ну, уж если он не понимает обыкновенных намеков, то придется пустить в ход более грубые приемы“. (А. П. Чехов, Гость)

Во всех таких случаях, слова утрачивают нейтральное значение, которое они имели в предложениях типа: „Там росли дубы“ или „За домом была дубовая роща“ (прямое значение в зависимости от контекста, может иметь иногда и положительный оттенок: дубовый стол = прочный, крепкий — но он не является основным). От названия дерева „дуб“ образован глагол „дубасить“ — сильно бить, ударять, стучать (*bušiti, mlátiti*) носящий просторечный отпечаток, обусловленный той грубостью, с которой производится действие.

Другое название дерева — „липа“ приводится в словарях как омоним, хотя здесь можно было бы видеть скорее полисемию: липа 1. дерево, 2. подложный, фальшивый документ. Семантика слова во втором значении выражает пренебрежительное, осуждающее отношение говорящего к объекту, называемому этим словом. Многозначность слова — названия дерева — можно усматривать в том, что из липы с давних времен на Руси изготовлялись всевозможные изделия и поделки, в том числе и примитивные протезы — деревянные ноги. Так, например, в русском фольклоре часто встречаются упоминания о такой ноге:

„Медведь ревел, ревел, надумался и сделал себе липовую лапу... Скрипи нога, Скрипи липовая“ (А. Н. Афанасьев Народные русские сказки т. 1 № 57).

Следовательно, липовая нога, лапа, короче говоря, „липа“ = не настоящая, поддельная — могло привести к перенесению названия „липа“ и на все другое поддельное, не настоящее. Производное прилагательное „липовый“, имеющее нейтральное значение при определении конкретного предмета (липовый мед), в переносном значении становится отрицательным определением (липовые документы).

Посредством слов от других корней, объединенных понятием „дерево“, например: дубина, жердь, орясина, колода — обрисовывается как непривлекательная внешность человека (первые три слова — о долговязом человеке, последнее — о неповоротливом толстяке), так (кроме существительного „жердь“) и его очень ограниченные уместные способности: глупый, bestолковый, тупой.

Другие слова как бревно, пень, чурбан; деревяшка, деревянный, одеревенелый — служат средством для внутренней характеристики человека, но выявляют его отрицательные черты с большей выразительностью, чем синонимичные прилагательные: глупый, бесчувственный, нечуткий, невыразительный, равнодушный и т. п. Именно в таком значении, и с такой целью, эти слова используются в художественной литературе, благодаря чему повышается экспрессивность эмоциональной оценки. Например:

„Петрушка бревно, Петрушка глуп“ (Гоголь, Мертвые души).

„И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч,

выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства“ (там же). „Деревянный человек, сами знаете, чувств не имеет; значит, что же может его тревожить в жизни?“ (А. Н. Островский, Старый друг лучше новых двух).

Для усиления отрицательного впечатления автор иногда ставит рядом два таких слова:

„Как порядочный человек решил жениться, последовал благоразумию и вдруг — просто сдуру, белены объелся, деревянный чурбан“ (Гоголь, Женитьба).

Образованные от существительных „лубок“ (картинка на древесной коре) и „короб“ (коробка из тонких пластов древесины), прилагательное „лубочный“ и глагол „коробиться“ приобретают в переносном смысле значение качественной оценки: „лубочный“ = аляповатый, вульгарный, дешевый; „коробить“⁴ = производить неприятное впечатление:

„Вы тем самым сознаетесь в вашей лжи . . . Вас это слово, я вижу, коробит“ (Тургенев, Нахлебник).

Некоторые слова этой группы в настоящее время уже почти не употребляются самостоятельно в прямом значении, и известны лишь по фразеологическим словосочетаниям компонентами которых они являются. В таких случаях эти слова также выражают неодобрительную оценку действий называемых в данных словосочетаниях, которые употребляются уже в переносном значении, несмотря на то, что в буквальном смысле, ни само действие, ни его объект, не заключают в себе ничего предосудительного. Так, например, легкость изготовления некоторых деревянных изделий приводила к тому, что во время такой работы можно было разговаривать, часто ее прерывать. Поэтому занятия, связанные с изготовлением такого рода поделок из дерева, приобретают переносное значение, становятся выражениями, синонимичными к празднословить, ничего не делать и т. п. Отождествление действия, полезного само по себе, с отрицательным явлением его сопровождавшим, привело к образованию фразеологизма, семантика которого вытеснила значение первоначального действия, понимаемого в буквальном смысле. Например:

„Бить баклуши“ — *dělati dřevěné špalíčky a — flákati*

„А дома, что делать! Баклуши бить“ (А. Н. Островский, На бойком месте), или:

„Баляндрасы=балянтрасы=балясы=лясы=балы точить — *soustruhovatí sloupky do zábradlí a — tlachati*

„Полно балы точить, пора голенища строчить“ — поговорка (Словарь Даля).

В чешском языке также можно отметить аналогичное употребление слов *dřevo, pařez, poleno; dřevěný, rgkenný*.⁵

Таким образом слова обозначающие предметы, объединенные понятием „дерево“, при замене прямого значения, значением переносным — могут быть использованы для характеристики лица, и выражают отрицательную оценку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. И. Ефимов, *Стилистика художественной речи*, стр. 89, изд. МГУ 1957.
2. А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, стр. 125, изд. 2, М. 1958.
3. А. В. Федоров, *Введение в теорию перевода*, стр. 298, М. 1958.
4. Впрочем этот глагол и в прямом смысле обозначает нежелательный процесс: становится неровным, скручиваться под действием жара, сырости и т. п.
5. Значения чешских слов даются по: *Velký Rusko-Český slovník*, Praha 1952—62; *Slovník spisovného jazyka českého*, Praha 1960. русских слов по: В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, М. 1862 (1955); *Толковый словарь русского языка*, под ред. Б. М. Волина и Д. Н. Ушакова, М. 1935—1940; *Словарь русского языка*, АН СССР, Институт русского языка, 1956—1961.

**NEUTRÁLNÍ SLOVA JAKO PROSTŘEDEK VYJÁDŘENÍ
EMOCIONÁLNÍHO HODNOCENÍ**

Autorka článku se snaží ukázat, jak některá neutrální slova, tj. slova, která mají jen nominativní funkci, mohou se stát prostředkem emocionálního hodnocení. Na základě příkladů vybraných z krásné literatury se v článku ukazuje na některá neutrální slova, seskupená kolem jednoho pojmu, která se stala prostředkem vnitřní a vnější charakteristiky člověka.